

Я пыталась открыть глаза, но было такое чувство, будто я падаю с утеса. Затем на ум пришел какой-то странный смех бандитов, вооруженных ножами. Я слегка покачала головой, из-за чего мое зрение постепенно улучшилось, и начала озираться вокруг. Поняв, где нахожусь, я окончательно пришла в себя.

...Когда-то я жила здесь. Роскошная комната, которой пользовалась только почившая маркиза — комната, которая стала моей с того момента, как я вошла в этот дом. Как я сюда вернулась? Я помню только, что на пути в Хайдельберг на меня напали бандиты. Неужели меня спасли и привезли сюда? Но если я правильно помню, сопровождающие меня рыцари погибли — тогда кто спас мне жизнь?

Пока я массировала виски, едва придя в сознание, что-то странное привлекло мое внимание. Это был элегантный золотой туалетный столик, стоящий рядом с окном в занавесках клубнично-розового оттенка.

Какого черта он тут делает?

Если вы спросите, что не так с туалетным столиком — я скажу вам. Загвоздка в том, что его тут вообще быть не должно. Изначально он тихонько стоял на своем месте, но примерно лет пять назад во время ссоры с Элиасом тот разбил зеркало, говоря что-то о вещах своей матери. Эх...

Нет, ну а какого черта он тут вообще делает? Или это просто похожий столик? Но даже если и так, то кто сюда поставил похожий стол из розового дерева? И тогда — кто забрал первоначальный стол, заменив этим?

Чувствуя себя совершенно растерянно и даже неловко, я встала с кровати и подошла к туалетному столику. И когда мое лицо отразилось в круглом, гладком зеркальце, меня снова охватило смутное ощущение. В зеркале, как и полагалось, была я — розовые волосы до пояса и зеленые глаза. Но что-то было не так. Что изменилось?

Я неосознанно подняла руку и коснулась лица. Что-то точно было по-другому, но я все не могла понять, что именно. Будто бы лицо стало мягче, щеки — пухлее, а глаза — ярче... В довершении ко всему я выглядела моложе, чем обычно. Да что здесь происходит? Неужели я действительно помолодела?

Вдруг я услышала стук в дверь.

— Мадам?

— А, Гвен! Заходи...— но прежде, чем закончить фразу, я снова впала в ступор. Да, в дверь, очевидно, вошла Гвен, но...

— Гвен, ты что, похудела?

— Что?

Гвен с выражением смутения на лице тоже выглядела как-то по-другому. Гвен поправилась, так как ела много сладкого, но как же так вышло, что она так быстро похудела, будучи уже в возрасте. И помимо прочего она еще и выглядела моложе — что странно. Неужели мы обе помолодели?

— Не понимаю, о чем вы, но у нас нет времени, мадам.

Я удивленно моргнула. Ее отношение ко мне было еще более незнакомым, чем ее юная внешность. Если честно, Гвен, моя фрейлина, была одной из немногих людей в поместье Нойванштайн, кто понимал меня и знал, как упорно я трудилась на благо своих детей.

Но почему Гвен вдруг внезапно стала обращаться ко мне в столь деловом, холодном тоне? Может, она очень расстроилась, когда я уехала, и на меня напали по пути в Хайдельберг...

— Гвен, что со мной случил...

— До похорон осталось всего два часа. Вам нужно быстрее подготовиться.

...Что?

— Какого черта... похороны? Погоди, неужели с детьми что-то случилось?!

О, Боже, я тут чуть не погибла после столкновения с группой бандитов, а теперь еще и в свадебной зале что-то произошло?

Когда я в ужасе воскликнула, Гвен вздрогнула. Она с сомнением в глазах уставилась на меня, а затем обратилась в более мягком тоне:

— Мадам... Я понимаю ваши переживания, но вы должны принять действительность и продолжать жить дальше. Маркиз бы очень этого хотел.

— Что?

Я уже хотела было спросить, что за чертовщину она несет, но в горле застыло странное чувство.

Погодите-ка, кажется, я уже видела этот момент.

Где я это видела?

Туалетный столик вернулся на свое место. Вид комнаты казался знакомым, но в то же время совершенно чужим. Как и я сама, которая сейчас выглядела моложе, чем всегда, Гвен тоже внезапно стала юной, а черное траурное платье на ней...

После краткого мига внутренних метаний, у меня перехватило дыхание: я наконец осознала причину этого невероятно жуткого ощущения.

А, понятно. Этого нельзя было не понять. Все это похоже на день похорон моего мужа семь лет назад. Когда мне было всего шестнадцать, в летний осенний день состоялись похороны великолепного маркиза Нойванштайн. Наверное, я единственная женщина во всем мире, у которой было аж две церемонии похорон одного и того же мужа.

...Боже, что это за магия?

— Маркиза...

— Это она...

— Мне так жаль детей. Ох, бедные малыши...

— Это она-то жена маркиза? Эта маленькая девчонка?

— Совершенно очевидно, что маркиз был явно не в здравом уме перед своей смертью. Иначе как он мог составить столь нелепое завещание?

— Не знаю. Не многим удавалось так обольстить маркиза, как ей...

— Невозможно! Маркиз, должно быть, совсем выжил из ума.

— Впрочем, как вообще можно быть не очарованным такой женщиной...

Звук непрекращающихся соболезнований, накатывающий подобно темным морским волнам, был также ей знаком. Огромная часовня, в которой проходили похороны, люди в траурных одеждах, печальный звук колокола, и помимо прочего...

— Этот ребенок — его старший сын. Почему же он и слезинки не проронил?

Мои дети, о которых мне следует заботиться по закону... Десятилетние близнецы, Райан и Рейчел, плакали навзрыд. Элиас, которому было всего тринадцать, пытался держать себя в руках, но не мог удержать слезы. И Джереми, четырнадцатилетний мальчик, молча стоящий прямо перед гробом с ничего не выражающим лицом.

Никогда не думала, что снова увижу их.

<http://tl.rulate.ru/book/96828/1904827>